

Многочисленные войны, которые пришлось вести Людовику XIV в годы своего правления, истощив и финансы государства, и жизненные силы народа, открыли, однако, секрет обогащения невероятному числу кровососов, кои всегда вместо того, чтобы смягчить последствия общих бедствий, стремятся использовать их ради своей пущей выгоды. Завершение этого царствования, впрочем, весьма блестящего, являвшего собой, быть может, вершину могущества Франции, отмечено возникновением множества сомнительных состояний, чьи владельцы поражали не только роскошью, но и заботливо скрываемым развратом.

Незадолго до того, как Регент попытается с помощью знаменитого трибунала, известного под именем Палаты Правосудия, задушить этих богатеев-откупщиков, четверо из них, мнивших себя единственной в своем роде элитой порока, задумали некое предприятие, о чем и будет рассказано ниже.

Было бы ошибкой думать, что беззастенчивым собиранием налогов занимались люди низкого звания. Отнюдь — к этому были причастны сливки общества. Герцог Бланжи и его брат епи-

скоп ***, оба баснословно разбогатевшие на откупках, являют неоспоримое доказательство того, что благородное происхождение подчас совсем не мешает обогащению подобными средствами. Оба этих достославных персонажа, тесно связанные деловыми отношениями и погоней за удовольствиями с небезызвестным Дюрсе и президентом Кюрвалем, первыми замыслили оргии, историю которых мы описываем теперь, и в купе с двумя своими друзьями стали организаторами и участниками этого невероятного распутства.

В течение шести лет четыре распутника, объединенные богатством, знатностью и высоким положением в обществе, укрепляли свои связи браками, целью которых был прежде всего разврат. Именно он был основой этих союзов. И вот как это происходило.

Герцог Бланжи, трижды вдовец, имевший от одного брака двух дочерей, узнав о том, что президент Кюрваль хочет жениться на старшей из них, несмотря на то, что ему было известно о вольностях, которые отец допускал по отношению к ней, герцог, говорю вам, сразу же представил себе преимущества этого тройного союза.

— Вы хотите жениться на Юлии, — сказал он Кюрвалю. — Я вам отдаю ее без колебаний, но с одним условием: вы не будете ревновать, если она, уже будучи вашей женой, не перестанет оказывать мне те же милости, что и до брака. Кроме того, вы поможете мне убедить нашего общего друга Дюрсе выдать за меня его дочь Констан-

цию, к которой я питаю чувства, весьма похожие на те, которые вы испытываете к Юлии.

— Но, — заметил Кюрваль, — вы, конечно, не можете не знать, что Дюрсе не меньший распутник, чем вы...

— Я познал все, что можно, — отвечал герцог. — Да разве в нашем возрасте и с нашими взглядами на вещи подобная малость может меня остановить? Вы думаете, я ищу в жене только любовницу? Она нужна мне для удовлетворения моих капризов, моих тайных желаний и страстей, которые покров Гименея окутает самым надежным образом. Одним словом, я желаю ее так же, как вы желаете мою дочь. Вы думаете, я не знаю о ваших целях и желаниях? Мы, сластолюбцы, поработаем женщину. Положение жены обязывает ее быть более покорной, чем любовница, а уж вам ли не знать, какую роль в наслаждении играет ничем не ограниченная власть!

За этой беседой и застал их Дюрсе. Друзья поведали ему о содержании их разговора и были рады услышать, что и он питает нежные чувства к Аделаиде, дочери президента. Дюрсе согласился принять герцога в зятя при условии, что сам он станет зятем Кюрваля.

Три свадьбы не замедлили состояться — с огромными придаными и с одинаковыми условиями контрактов. Президент признался в тайных отношениях с собственной дочерью, Дюрсе это нимало не смутило, и все три отца, желая сохранить свои права и в целях еще большего их расширения, признали, что три молодые особы,

связанные со своими мужьями лишь имуществом и именем, телом принадлежат в одинаковой мере всем трем мужчинам, а если они этому воспротивятся, то будут наказаны самым жестоким образом в соответствии с договором, который подпишут.

Все уже было оговорено, когда появился епископ ***, хорошо знакомый с двумя друзьями своего брата по общему времяпрепровождению; он предложил добавить четвертого участника заключаемого союза, если трое других не станут возражать. Участником этим была вторая дочь герцога, она же племянница епископа, состоявшего в связи со своей невесткой, причем оба брата знали, что именно епископу *** обязана была своим появлением на свет юная Алина. Епископ наблюдал за развитием Алины с колыбели и, как вы легко можете догадаться, никак не желал упустить случай насладиться этим цветком, едва тот расцветет. Как видим, предложение епископа *** ни в чем не противоречило намерениям трех его сотоварищей. Ими тоже двигали самые низкие страсти. Что же касается красоты и молодости упомянутой особы, которыми предстояло насладиться, то именно по этой причине никто из троих не усомнился в предложениях епископа ***. Он, как и трое других, тоже пошел на определенные уступки, сохраняя не менее определенные права; таким образом, каждый из четырех наших героев оказался мужем всех четырех женщин.

Итак, чтобы помочь читателю разобраться, представим ему всю картину: герцог, отец

Юлии, стал супругом Констанции, дочери Дюрсе; Дюрсе, отец Констанции, стал мужем Аделаиды, дочери президента; президент, отец Аделаиды, женился на Юлии, старшей дочери герцога; и епископ ***, дядя и отец Алины, стал супругом трех других женщин, уступив, в свою очередь, Алину своим друзьям, но сохранив на нее известные права.

Счастливые свадьбы состоялись в расположенном в Бурбоннэ великолепном имении герцога, и я оставляю читателям возможность вообразить себе все оргии, происходившие там. Необходимость описать другие не позволяет нам сосредоточить внимание на первых. После этого союз наших друзей еще более окреп. И поскольку важно дать читателю полное представление о наших героях, эти небольшие подробности, как мне кажется, позволят получше рассмотреть их портреты, которые я собираюсь представить в совершенной полноте.

Общество создало общую кассу, которой в течение шести месяцев управлял каждый по очереди. Фонды этой кассы, служившей лишь удовольствиям, были весьма велики. Огромные суммы расходовались на самые причудливые вещи, и читатель совсем не должен удивляться, когда ему скажут, что два миллиона франков было израсходовано за год только на радости стола и постели четырех развратников.

Четыре знаменитые сводницы и столько же сводников, вербующих мужчин, не знали иных забот в Париже и провинции, кроме того, чтобы найти самое лучшее и в женском, и в мужском поле для услады похоти наших героев.

Регулярно, четырежды в неделю, попеременно в четырех сельских домиках, расположенных за четырьмя различными воротами Парижа, устраивались совместные ужины.

На первый из них, целиком посвященный удовольствиям в духе Содома, приглашались только мужчины. Туда доставляли шестнадцать молодых людей в возрасте от двадцати до тридцати лет для совокупления с нашими четырьмя героями, которые играли роли женщин. Молодых людей подбирали по размеру детородного органа. Было необходимо, чтобы член достигал такого великолепия, что никогда ни одной женщине не удавалось принять его в себя. Это был важный пункт договора, и поскольку деньги текли рекой и за ценой не стояли, условия редко не выполнялись. Чтобы испытать все удовольствия разом, к шестнадцати исполнявшим роли мужей добавлялось такое же число более молодых юношей в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет, которые выполняли роль женщин. Эти юноши должны были обладать свежестью, грацией, красотой лица, невинностью и душевной чистотой — и всем этим в наивысшей степени. Ни одна женщина не допускалась на мужские оргии, где воплощалась вся роскошь празднеств Содома и Гоморры.

Второй ужин был посвящен девушкам из хороших семей, которые обязаны были оставить свое высокомерие и чопорность и соглашаться на самое недостойное с собой обращение, отдаваться причудливым капризам развратников и даже терпеть от них оскорбления. Число их обычно со-

ставляло двенадцать, и так как Париж не всегда мог поставить нужное число благородных жертв, на вечера иногда приглашались дамы другого сорта: жены судейских и офицеров. В Париже насчитывается от четырех до пяти тысяч женщин из этих двух сословий, которых нужда или страсть к разврату заставляют предаваться подобным занятиям. Их только надо было найти; наши развратники в своем деле толк знали, и на этом пути их ожидали порой настоящие открытия. Но из каких бы сословий ни были эти дамы, им приходилось беспрекословно подчиняться всему: здесь разврат, никогда не знающий границ, подогревался жестокостью и грязной бранью, хотя, казалось бы, благородное происхождение и условности света должны были избавить дам от подобных испытаний, но там, где они оказались, отказу быть не могло, а так как четверо наших злодеев имели вкусы самые гнусные, ценили разврат самый чудовищный, угодить им было делом нелегким.

Третий ужин был посвящен созданиям с самого дна общества, наиболее низким и непристойным, каких только можно встретить.

Тем, кто знаком с прихотями распутства, эта «изысканность» покажется естественной. Распутник испытывает особенное сладострастие в том, чтобы извлекаться, так сказать, в нечистотах вместе с подобного рода тварями. Здесь он испытывает падение самое глубокое, распутство самое мерзкое, унижение самое полное, и эти удовольствия в сравнении с теми, которые испытали накануне с самыми утонченными девушками из об-

щества, придают особую остроту наслаждению и в том, и в другом случаях. Ничего не было забыто, чтобы сделать разврат всеобъемлющим и пикантным. В течение шести часов на вечере появлялось до ста шлюх; не все они возвращались обратно. Но не будем упреждать события. Эта особая «изысканность» относится к деталям, о которых еще не настало время говорить.

Четвертый вечер предназначался девственницам. Их отбирали в возрасте от семи до пятнадцати лет. Условия были те же. Обязательным было очаровательное личико и гарантия девственности. Она должна была быть подлинной. В этом заключалась невероятная утонченность разврата. Впрочем, наши распутники не стремились сорвать все цветы, да и как бы они это сделали, если девочек всегда было двадцать, а из четырех героев только два участвовали в этом акте: один из двух оставленных не испытывал эрекции, епископ же мог насладиться лишь таким образом, что девушка оставалась девственной, хотя и теряла свою честь. Тем не менее число всегда оставалось двадцать, и те девочки, которых не смогли лишить невинности наши герои, становились добычей слуг, таких же развратных, как господа.

Помимо этих четырех вечеров по пятницам устраивались тайные и особливые, менее многочисленные, чем четыре вышеописанных, хотя, может быть, требующие еще больших затрат. На эти вечера приглашались лишь четыре молодые особы из состоятельных семей, вырванные у их родителей силой или с помощью денег. Жены на-

ших развратников почти всегда участвовали в оргиях, и полное послушание, заботливость, а главное, их услужливость делали эти вечера еще более пикантными.

Что касается кухни на этих вечерах, то нет надобности говорить, что изобилие царило там наравне с тонкостью. Ни одно такое пиршество не обходилось менее чем в десять тысяч франков; привозилось все то, что Франция и заграница могли предложить наиболее редкого и экзотического. Вина и ликеры были в изобилии и большом разнообразии. Фрукты всех сезонов подавались даже зимой. Можно предположить, что стол первого монарха земли не обслуживался с такой роскошью и великолепием.

Вернемся теперь к началу нашего повествования и постараемся со всем тщанием нарисовать читателю портрет каждого из четырех героев, ничего не скрывая и не приукрашивая, с помощью кисти самой природы, которая, несмотря на беспорядок, порой отличается удивительной тонкостью, что часто, к слову, ей во вред самой. Ибо — осмелимся, между прочим, высказать рискованную мысль, — если преступление не обладает тем родом деликатности, что присуща добродетели, то не выглядит ли оно зачастую даже высоким и в какой-то степени величественным, превосходя в привлекательности томную и унылую добродетель?

Вы скажете, что в жизни для равновесия потребно и то и другое? И нам ли проникать в за-

коны природы, нам ли решать, что более необходимо: порок или добродетель? Чтобы склониться в этом споре на ту или иную сторону, надо обладать особыми, высшими полномочиями, которыми она нас не наделила. Но продолжим наше повествование.

ГЕРЦОГ БЛАНЖИ уже в восемнадцать лет стал обладателем огромного состояния, которое он значительно округлил с помощью махинаций по незаконному взиманию налогов. Он рано испытал на себе недоброжелательство толпы, взирающей на очень богатого юношу, ни в чем себе не отказывающего. Почти всегда в таких случаях мериллом собственных сил становится мера порока. Если герцогу была бы от рождения дарована простая, примитивная натура, то, быть может, она бы уравновесила опасности его положения. Но Природа, эта диковинная мать, иной раз словно сговаривается с Фортуной, чтобы та споспешествовала всем дурным склонностям, которыми она, Природа, награждает некоторых из своих созданий в целях, совершенно противных целям добродетели. Оттого, что Природа, повторю я, равно нуждается как в пороке, так и в добродетели, она вручила обладавшему несметным богатством Бланжи все свойства, необходимые для того, чтобы этим богатством злоупотреблять. Вместе со злодейски изощренным умом она вдохнула в него черную черствую душу, чудовищные вкусы и прихоти ужасающего разврата, которому герцог и предавался вволю. Рожденный лживым, грубым, властным, жестоким себялюбцем, равно расточи-

тельным для своих удовольствий и скупым, когда дело шло о пользе других; враль, обжора, пьяница, содомит, кровосмеситель, убийца, поджигатель, вор — хоть бы одна добродетель в реестре его качеств! Да что я говорю? Он был убежден и часто повторял, что, чтобы стать полностью счастливым, человек должен пройти через все возможные пороки и никогда не позволять себе никаких добродетелей. Должно вершить только зло и никому никогда не делать добра. «Есть немало людей, которые совершают зло только в порыве страсти, — говорил герцог. — Справившись с заблуждением, их душа возвращается на путь добродетели. Вот так, в ошибках и угрызениях совести, проходит их жизнь, и в конце ее они уже не знают, какова же была их роль на земле».

— Эти создания, — продолжал герцог, — должны быть несчастны: всегда колеблющиеся, всегда нерешительные, они проходят по жизни, ненавидя утром то, что было ими сделано вечером. Познавая удовольствия, они дрожат, позволяя их себе, и таким образом становятся порочными в добродетели и добродетельными в пороке. Моя натура другая. Я не испытываю подобных колебаний в своем выборе. И так как я всегда уверен, что найду удовольствие в том, что делаю, раскаяние не ослабляет влечения. Твердый в своих принципах, которые сформировались у меня еще в молодые годы, я всегда поступаю в соответствии с ними. Они помогли мне понять пустоту и ничтожество добродетели. Я ее ненавижу и никогда к ней не вернусь.

Я убедился, что порок — это единственный способ заставить человека испытать сладострастие, этот головокружительный трепет, моральный и физический, источник самых восхитительных вожделений. С нежных лет я отказался от химер религии, убедившись, что существование Бога — это возмутительный абсурд, в который ныне не верят даже дети. И я не собираюсь сдерживать свои влечения, чтобы ему угодить. Ими меня наделила природа, и если бы я им воспротивился, это возмутило бы ее. Если она дала мне плохие наклонности, значит, считала таковые необходимыми для меня. Я — лишь инструмент в ее руках, она вертит мною, как хочет, и каждое из совершенных мною преступлений служит ей. Чем больше она мне их внушает, тем, значит, более они ей нужны. Я был бы глупцом, если бы противился ей! Таким образом, против меня только законы, но их я не боюсь: мое золото и мое положение ставят меня над этими вульгарными запорами, в которые стучатся одни плебеи.

Если бы герцогу сказали, что у людей тем не менее существуют идеи справедливости и несправедливости, являющиеся творением той же природы, поскольку их находят у всех народов и даже у тех, кто вообще не приобщен к цивилизации, он бы ответил, что эти идеи относительны, что сильнейший всегда находит справедливым то, что слабый считает несправедливым, и если бы их поменяли местами, то соответственно изменились бы и их мысли, из чего Бланжи делает вывод, что то, что доставляет удовольствие, — справедливо,

а что неприятно — несправедливо. Что в тот момент, когда он вытаскивает сто луидоров из кармана прохожего, он совершает поступок, справедливый для себя, хотя обокраденный им человек должен на это смотреть по-другому. Так что эти понятия всего-навсего произвольны и только совершенный безумец может себя ограничивать ими. С помощью подобной философии герцог оправдывал все свои поступки, эти аргументы казались ему убедительными. Творя таким образом свою жизнь с помощью своей философии, герцог с самой ранней юности пустился в самое постыдное и поразительное распутство. Его отец, рано умерший, оставил ему, как я уже говорил, огромное состояние, но поставил условием, чтобы при жизни его матери значительная часть состояния принадлежала ей. Это условие очень скоро разонравилось Бланжи; злодей увидел свое спасение в яде и решил его использовать. Но так как тогда он лишь вступал на путь порока, то не осмелился действовать своими руками и привлек к осуществлению замысла одну из своих сестер, с которой состоял в преступной связи, пообещав ей за это часть полученного таким образом наследства. Девушка побоялась совершить преступление, и герцог, испугавшись раскрытия тайны, ни минуты не поколебавшись, присоединил к избранной жертве и ту, что еще недавно была его сообщницей. Он отвез обеих в одно из своих загородных имений, откуда им никогда не было суждено вернуться.

Ничто так не воодушевляет, как первое безнаказанное преступление. После этого опыта герцог

уже не знал удержу. Едва кто-нибудь оказывал ему малейшее сопротивление, тотчас же в дело шел яд. От убийств по необходимости он вскоре перешел к убийствам из сладострастия. Он постиг злосчастное извращение чувств, позволяющее находить удовольствие в чужих мучениях. Он испытал, как насилие, творимое над другим, приводит в волнение все наши нервы, как побуждает к живейшему действию те из них, что управляют эрекцией, как это потрясение порождает то, что называют страстью похоти.

И вот он начал совершать кражи и убийства единственно ради удовлетворения похоти, точно так же, как другие ради этого отправляются к девкам. В двадцать три года вместе с тремя единомышленниками, которым он сумел внушить свою философию, он остановил на большой дороге дилижанс. Женщин и мужчин они изнасиловали и убили, забрав у жертв все деньги, в которых решительно не нуждались; в тот же вечер все четверо отправились на бал в Оперу, чтобы обеспечить себе алиби. Это преступление не оказалось единственным: две очаровательные барышни были обесчещены и убиты в объятиях их матери. Потом было бессчетное число других преступлений, но никто не мог заподозрить в них герцога и его сообщников.

Охладев к прелестной супруге, которую его отец вручил ему перед своей смертью, молодой Бланжи не замедлил отправить ее туда же, где уже пребывали его мать, сестра и все другие жертвы, и все это для того, чтобы жениться на другой де-